

Колдовские *Миры*

НАТАЛЬЯ КОЛЕСОВА

ДРАКОНИЙ ЖЕМЧУТ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете
И. Кругловой

Колесова, Наталья Валенидовна.

К60 Драконий жемчуг / Наталья Колесова. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-699-98084-0

Когда дракон — Повелитель Морей и Дождей находит свою жемчужину, то взлетает в небо. Человеку же для того, чтобы взлететь, надо найти любовь, а сделать это сложнее, чем отважной ныряльщице отыскать драконий жемчуг в глубоких и опасных водах морей, омывающих Страну утренней свежести.

Однажды юную ныряльщицу судьба столкнула со ссыльным аристократом, сыном королевского министра. Не сразу удалось понять девушке, что не так с этим заносчивым красавцем и что за силы плетут заговор вокруг него. А потом им обоим осталось только сражаться: за свою жизнь и за свою любовь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98084-0

© Колесова Н.В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

Ха На вынырнула из воды так стремительно, словно ее подтолкнули снизу. Может, какой-то мультквисин, водяной дух, озаботился, заметив, что ей уже не хватает воздуха? Бабушка поговаривает, неподалеку от деревни обитает добрая душа утопшей хэнё¹, которая присматривает за незадачливыми ныряльщицами. Может, так оно и есть.

Девушка выдохнула, как ее учили, издав что-то вроде гортанного звука «а-а-ох» для восстановления дыхания. Приблизилась к пустой тыкве с грузилом, плававшей в темной воде подобно оранжевому солнцу, сбросила в сетку добычу — рапаны да трепанги — и, подталкивая ее перед собой, поплыла к лодке дедушки Хван Гу. Старик, единственный на всю округу ныряльщик-мужчина, бессовестно спал, а ведь должен зорко следить за погодой, за морем и за

¹ Хэнё — «женщины моря», корейские профессиональные ныряльщицы, добывающие со дна морского разнообразные морепродукты (*кор.*).

ней самой! Даже когда девушка перевалила через борт добычу, а потом влезла и сама, и лодку заметно качнуло, продолжал дрыхнуть, сложив на животе руки, с закрытыми глазами, маленький, морщинистый, невозмутимый и благостный. Ни дать ни взять статуэтка просветленного Будды, какие в храме стоят.

Если не знать, конечно, какой он вредный и злоехидный. Ха На обтерлась, натянула одежду и осторожно коснулась руки Хван Гу.

— Дедушка?

— Чего так рано вернулась-то? — не раскрывая глаз, бормотнул тот. — Лентяйка ты, ничемная девчонка!

— Уже полдень, дедуля, — спокойно сообщила Ха На. — Хватит на сегодня.

— И что полдень? — привычно разворчался тот. — Придумали тоже — полдень! Мы вот в ваши годы...

Известно, что сейчас наговорит. Мол, когда он был молод, они на берег вообще не выходили. И днем ныряли, и даже ночью. И летом, и зимой. Как же они тогда всех тварей морских не извели, уму непостижимо! Старик ворчал, не переставая, до самого берега. Может, так грести ему легче? Ха На, не вслушиваясь, сортировала добычу. Большую часть все равно заберет управляющий. Пусть видит, что без обмана —

покрупнее да получше для него, а им и мелкие, старые да корявые сойдут. Часть продадут-обменяют, часть сами съедят.

Вытащили лодку на берег. Пока Ха На собирала сетки и ножи, старик шустро наклонился и схватил уроненного под скамью морского окуня. Рыба трепыхалась в его кривых из-за больных суставов, но все еще цепких пальцах.

— Ну-ка, что тут у нас?

И проворно сунул окуня за пазуху.

— Дедушка! — испуганно воскликнула Ха На, обшаривая берег взглядом. Обычно хэнё относили добычу прямо к дому чиновника, но иногда управляющий являлся на берег сам, дабы уличить их в воровстве — утаивании податей. В этот раз обошлось.

— Чего? — недовольно отозвался Хван Гу и поковылял по берегу прочь, придерживая одной рукой ворот чогори¹, а другой — занемевшую спину. С одной стороны, красть нехорошо, опасно. С другой — морской окунь — добыча редкая и вкусная, а старик все равно вечером притащит рыбу к ним домой, чтобы съесть вместе...

Делянка их была скудной, бабушка болела все больше и все чаще оставалась на берегу,

¹ Чогори — блуза, которую в составе ханбока женщины носят с юбкой чхима, а мужчины — со штанами паджи (кор.).

а подати только росли. Опять будет брань да укоры. И самой-то слушать тошно, а уж в присутствии удачливых товарок... Так что к управляющему Ха На плелась нога за ногу. Надеялась, все к тому времени разойдутся.

Не тут-то было! Народу перед двором уездного главы Ли Мэн Сока сегодня собралось непривычно много. И не только ныряльщицы, но и другие жители. Толпились, возбужденно переговариваясь, вытягивали шеи, толкались локтями, чтобы продвинуться поближе или поделиться чувствами с соседом. Ха На повыглядывала так и эдак, но росту в ней всего ничего, и что было причиной волнения — увидеть не удалось. Может, разбойника какого поймали? Или беглого ноби¹?

— Что там? Ну что там? — бормотала Ха На, проталкиваясь вперед. Твердое плечо вредной тетки Ма Ро оттеснило ее обратно в толпу.

— Что-что, — проворчала Ма Ро презрительно. — Ссылного янбана² привезли, вот что!

Ссылали на остров нередко, но Ха На видела таких — все больше изменщиков да проворовавшихся чиновников — лишь иногда и краем глаза. Некогда ей. У нее работа, огород, бабушка. Пускай себе живут, лишь бы их пути не пересекались.

¹ Ноби — крепостной (*кор.*).

² Янбан — чосонский корейский дворянин (*кор.*).

— А, — сказала Ха На, потеряв всякий интерес. Принялась искать глазами управляющего: сдать добычу да домой. Нужно еще к шаманке зайти, пусть травок бабушке даст, а то в последнее время совсем плохая стала. Да и то сказать страшно — за шестьдесят уже перевалило! Но если бабушка отправится к духам предков, Ха На совсем одна останется. Надо потом еще и в буддийский храм подняться, попросить монахов написать пожелание здоровья.

— Ух, какой красавчик, гляньте! — Женщины указывали на парня, стоявшего в распахнутых воротах.

Наверное, потому он соседкам понравился, что не походил ни на крестьянина, ни на рыбака, ни уж тем более на ноби: осанка, волосы узлом; руки, за спиной сцепленные. А что одежда простая — так короля обряды в нищего, все равно стать да повадки укажут священную особу. Так и этот. Даром, что молчит и голову склоняет, а все одно видно, с трудом сдерживается, слушая, что чиновник старику — видать, тому самому янбану — вещает. Сын? Секретарь? Ссылных частенько привозили со всей семьей и челядью — если не было на то другого указа.

— Жалко паренька, заморит ведь господин Ли, — промолвила Ма Ро, добротой никогда не отличавшаяся. — Слыхали, велел поселить их

в Становище духов? А все знают, кто туда войдет, не жилец уже!

Вокруг закивали, заворчали. Ха На тоже нахмурилась. Но не потому, что была согласна. Просто ей самой этот заброшенный дом был к душе. С детства туда бегала — сначала от отца, на колотушки скорого, а потом от насмешек ровесников. Была она тогда маленькой да щуплой, что мелкая креветка, а на каждую дразнилку и обзывание вспыхивала и лезла в драку. Попадало, конечно, вот и сидела там часами, зализывая раны на теле и на непомерной, как отец говорил, гордости. Если в Становище и обитали духи, то только добрые: успокаивали, обдували синяки да ссадины, осушали злые слезы. А если уж она придремывала, сны снились только добрые, солнечные и сытные. Она и сейчас иногда в тот брошенный дом заглядывала. Уже не чтобы спрятаться — просто посидеть, подумать. Помечтать. Мечты случались такими странными, что и не расскажи, но могла и находила время мечтать она только там. А теперь что же — и шагу туда не ступи? Будут в Становище какие-то осужденные янбаны жить! Ха На чуть от досады ногой не топнула да в пыль не плюнула. Вот ведь незадача!

Народ загомонил, зашевелился. Повели в Становище ссыльных дворян и пожилых слуг, которых с хозяевами привезли, верно, за негод-

ностью в другом месте. Старик впереди — видно, что устал и тяжел, но от надменности не позволяет себя под локоть поддерживать. «Красавчик», на голову выше, следом шагает, ни на кого не смотрит, лицо злое. Как такой может понравиться? Уж она бы красивым его ни за что не назвала! Ей самой парни добрые да приветливые к душе. Вон как сын господина Ли. Тот нос не задирает, всегда найдет ласковое словечко и для нее, бестолковщины, которая даже глаза на него боится поднять, не то что ответить.

Кое-кто любопытный потянулся следом — надсмотрщики разогнались, от важности чуть не лопаются. Толпа постояла еще, посудачила, но, едва ворота на чиновничий двор закрылись и управляющий вышел, скоренько вспомнили о работе да заботах.

Ха На получила свою привычную порцию брани за небогатый и неказистый улов. Хорошо, с тех пор как бабушка пригрозила управляющему руки оборвать и рыбам скормить, отвешивать затрещины внучке тот остерегается. Ведь прозвище Морская Ведьма старая хэнё получила не только за самые лучшие уловы, но и за нрав крутой.

Даже сейчас, лежа, охая да постанывая, бабушка все одно раздавала приказы и нелестные характеристики и внучке, и заглянувшему таки

вечером Хван Гу. Дед жил неподалеку, навевался от одиночества часто, и Ха На привыкла к их вечным перепалкам. Эти двое с молодости жили в соперничестве и ссорах и свою искреннюю привязанность и поддержку так до сих пор и выражали. Бабушка то и дело хлопала соседа по загребущим рукам: следила зорко, чтобы внучке доставался лучший кусок рыбы и самая большая порция кимчи¹.

На рассказ о сосланных янбанах неожиданно вздохнула:

— Вот ведь бедняги! Старик да мальчишка норовистый... не привыкли ни работать, ни шею гнуть... сгинут, как есть сгинут! Ха На, ты глянь там, как устроились, может, помощь какая нужна.

У внучки от неожиданности кусок не в то горло пошел. Прокашлялась, глаза вытаращила.

— Бабушка, да на что они нам сдались?!

— Сходи-сходи. В глаза не лезь, просто погляди.

Хван Гу в кои-то веки поддержал «строптивую девчонку»:

— И впрямь, старуха, чего это ты удумала?

Та сидела, закутанная во все одеяла, что есть в доме, — ни дать ни взять крепенький кочан

¹ Кимчи — блюдо корейской кухни, остро приправленные квашенные овощи, в первую очередь пекинская капуста (*кор.*).

капусты. Глаза прикрыла, будто уснула или внимательно к чему-то прислушивается. Посидела, шумно потянула носом и молвила:

— Чую, ветер меняется.

Ха На тоже приняухалась, море послушала. Не дано ей пока, как бабушке, перемену предсказывать. Но та сейчас говорила вовсе не о погоде. Уставилась на внучку слезящимися глазами и повторила:

— Новый ветер пришел вместе с ними. Так что сходи глянь!

В этот раз и спорщик Хван Гу язык прикусил. Если старая хэнё говорит такое, то с ней и деревенская шаманка не спорит, а делает.

Вот и внучке, хоть и с досадой, пришлось покориться.

Но оттягивала она посещение янбанов как могла — то есть пару-тройку дней. Лишь когда бабушка несколько раз спросила, побывала ли, да все грознее и грознее, все-таки поплелась к дому призраков... теперь ссыльных. На подходе к Становищу разогнала любопытных деревенских ребятишек, подглядывающих за новенькими. Обругала, затрещины зазевавшимся отвесила, да еще грозно потопала вслед ногами, чтобы сразу не вернулись и не обнаружили, что занимается она тем же самым.

Ха На с детства облюбовала дерево на склоне: сколько лет то кренилось и грозилось упасть в море, столько и продолжало упорно цепляться за скалу. Одна ветка толщиной с ее ногу простиралась прямо над Становищем. Девушка проползла змеей по шершавой коре и прилегла среди густой листвы — невидимая и внимательная.

Сразу видно, обитают здесь уже не духи, а люди. Дом подлатали, как было возможно за такое короткое время. Кое-где свежая кладка; окна со стороны моря за неимением рисовой бумаги прикрыты деревянными ставнями — и то сказать, ветра здесь, на верхотуре, бывают такими, что и сами ставни не мешало бы заколотить; старая печь вычищена и растоплена; терраса отскоблена до белизны; трава между камнями двора вырвана. Работящие у ссыльных слуги, ничего не скажешь!

Вон пожилая женщина что-то в котле помещивает. Ха На потянула носом, не поняла, чего съедобного варят. Старого янбана не видно, а молодой — девушка изогнула шею, оглядывая двор, — вот он! Стоит у каменной полуразрушенной стены, ограждающей дом от крутого склона. Руки за спиной, словно так и связаны со дня прибытия, осанка по-прежнему прямая (правильно бабушка говорит, не привыкли гнуть ни спину, ни шею!). На море смотрит.

Парень молниеносно развернулся — Ха На чуть не отпрянула — и уставился прямо на нее.

— Что тебе надо? — спросил резко. Говор не островной, но Ха На поняла — и слова, и тон. Ей бы задом-задом и удрать, но с испуга мышцы просто превратились в тток¹, и девушка шмякнулась с ветки на камни двора. От удара пришла в чувство, вскочила, готовая и бежать, и драться, если придется. Молодой хозяин тремя большими шагами оказался рядом, схватил за плечи — пальцы ровно когти, не вырваться!

— Что-ты-здесь-делаешь?!

В такт каждому своему слову еще и встряхивал ее. И захочешь-то, ничего разумного не скажешь! Еще и сунулся к самому лицу девушки, недобро сощутив глаза:

— Шпионишь?!

Ха На растерянно заморгала: ну да, шпионит. По приказу бабушки. Но, похоже, парень кого другого имел в виду, уж очень разозлился, излупит вот-вот. А силищи в нем, судя по мускулистым рукам и широким плечам, немало — видно, что на мясе рос! Девушка начала изгибаться и вырываться. Поняв, что она сейчас выкрутится из его хватки, янбан перехватил ее так, что

¹ Тток — рисовые клецки, пирожок, сделанный из клейкого риса. Превратиться в тток — измучиться, быть в разбитом состоянии, после пьянки (*кор.*).